ЭТНОС, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО

© ЭО, 2003 г., № 5

Е.И. Кобахидзе

ОСЕТИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННО-АДМИНИСТРАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ (КОНЕЦ XVIII–XIX в.)

Российское государство исторически сложилось как полиэтничное, и в его административных пределах издавна сосуществовали различающиеся по целому ряду социально-экономических, этноконфессиональных, культурно-исторических и прочих характеристик народы. Это требовало от правительства унифицированного подхода к управлению различными частями единого государства. Отвечая в целом идее централизации власти и унификации управления "на местах", процесс становления российской государственно-административной системы не был однозначным, имел свою специфику в различных регионах.

В данной статье предпринята попытка анализа исторического взаимодействия двух различающихся систем управления: государственно-административной, сформировавшейся в рамках российской государственности, и традиционной, практиковавшейся в Осетии до присоединения к России и сохранившейся в качестве значимого регулятора общественной жизни и после учреждения российской администрации.

Согласно условиям Кючук-Кайнарджийского мирного договора (1774 г.), завершившему русско-турецкую войну 1868–1774 годов, к России были присоединены Азов, Керчь, установлено свободное плавание российского флота по Черному морю. Это дало возможность российскому правительству приступить к административным реформам на Центральном Кавказе. Благоприятные условия для этих действий к тому времени уже сложились. Население этой стратегически и экономически важной области большей частью было приведено к присяге, а в лице представителей социальной элиты была сформирована надежная опора для проведения государственной политики во всем регионе 1.

Необходимость закрепления на Центральном Кавказе требовала от администрации близкого и непосредственного ознакомления с проживавшими там народами. Смысл этого конкретного социального заказа сводился к сбору информации, касавшейся всех сторон хозяйственно-экономической и социальной жизни местных народов, реальное же выполнение проходило в особых институциональных формах, одной из которых стало миссионерство. Другой, более поздней формой, оказались институты комендантства и приставства.

Объективно города Кавказского наместничества, в которые преобразовывались бывшие военные укрепления Кавказской военной линии с действовавшей на их территории военно-комендантской администрацией, сыграли роль плацдарма для внедрения в географическое и социокультурное пространство Центрального Кавказа российских административных порядков. Возводившиеся как стратегические форпосты на южных рубежах империи, эти военно-административные объекты очень скоро трансформировались в важнейшие административные центры, вокруг которых возникали поселения местных народов. Комендантов этих городов-укреплений, исполнявших сугубо административные функции по отношению к проживающему в их пределах населению, обязывали также внимательно присматриваться к "туземцам", соби-

рая разнообразную информацию о различных сторонах быта местных племен ^{2} и никоим образом не провоцировать в их среде недовольство ^{3} .

Учреждение в 1785 г. Кавказского наместничества, обозначившее устремления империи на административно-политическое освоение всего Кавказа, не поколебало основного правительственного курса, которого придерживалась российская военная администрация при обращении с горцами: "...не единою силою оружия предлежит побеждать народы в неприступных горах живущие, и имеющие в оных надежные от наших войск убежища; но паче правосудием и справедливостию нужно приобресть их к себе доверенность"4. Поначалу российско-северокавказские отношения строились на принципах вассалитета, обеспечивали неприкосновенность общественной жизни горцев, невмешательство в их внутренние дела⁵. Способствовало этому также и то обстоятельство, что административная принадлежность горских народов к определенному центру законодательно никак не оговаривались. Исключение составляла та часть осетин, которая благодаря поддержке российского правительства, поощрявшего стремление горцев к переселению на равнинные земли, поближе к укрепленным пунктам, после официального присоединения Осетии к России осела на Владикавказской равнине. В результате они стали поднадзорны российским приставам, возглавлявшим военные отряды и исполнявшим также роль администраторов. В непосредственном комендантском ведении находились лишь осетины - жители Моздока, которые, как и другие этнические группы, составлявшие население этого города, управлялись своими выборными в соответствии с народными обычаями⁶.

Что же касается населения горных ущелий, то административные функции поручались там приставам, бывшим командирами военных укреплений-редутов, которые устраивались вдоль Военно-Грузинской дороги⁷. Строго говоря, сугубо административная деятельность этих "полуначальников" сводилась лишь к полицейскому надзору за горцами. Российское правительство прекрасно осознавало, что невмешательство в социальную и экономическую сферы деятельности горцев, проживающих в окрестностях Военно-Грузинской дороги, — единственный путь добиться спокойствия и "благонамеренности" с их стороны⁸. Эта установка провозглашалась в наставлении главному приставу горских народов, которому предписывалось "личным обращением... и правдивыми поступками... снискивать всякую от них доверенность и любовь и по возможности удаляться от причин, повод к ненависти и остуде подающих".

Исполняя функции местной администрации в качестве приставов, командиры военных укреплений олицетворяли для горцев российскую власть, и население определенным образом реагировало на ее представителей. В этом смысле показательно замечание Д. Лаврова, подметившего один из важнейших принципов традиционной власти - персонификации авторитета: "Насколько вообще спокойствие этих районов (имеются в виду "верхние районы" Южной Осетии и Военно-грузинской дороги. -Е.К.) зависело от персонала ближайших представителей власти, можно судить по тому, что население, волновавшееся при действиях одного лица, являлось вполне послушным при действиях другого"¹⁰. Это замечание весьма точно указывает на то, как традиционные принципы восприятия власти и ее носителей экстраполировались в иную систему властных отношений, обеспечивая легитимность как отдельным элементам, так и самой системе в целом. Опираясь на существовавшие у народа представления об общественной власти, российская администрация, не касаясь дел горских общин непосредственно, часто апеллировала к традиционным авторитетам, поступившим на российскую военную службу, поручая контроль местным владетелям, и передавая им свои полномочия. Широко практиковавшаяся посредническая деятельность, к которой привлекались местные социальные верхи, надолго сохранила свое значение в качестве залога эффективности российского управления в Осетии 11.

Умело используя укоренившиеся у осетин представления об общественной власти, российская администрация решала одновременно несколько весьма актуальных для себя задач: во-первых, политика "невмешательства" в общественную жизнь обеспечивала более или менее лояльное отношение со стороны местного населения

к самой российской администрации; во-вторых, сохранение за традиционными властными институтами их привычных функций смягчало очевидные противоречия между различными управленческими моделями, элементы которых в то же время как бы "встраивались" друг в друга; в-третьих, практика обращения администрации к посредническим услугам местных старшин-владетелей впоследствии позволила набирать из их среды государственных чиновников, становившихся уже представителями низовых звеньев российского административного аппарата "на местах".

Таким образом, опора российского правительства на социальные верхи осетинских обществ имела двоякий смысл: с одной стороны, "сотрудничество" кавказских администраторов с представителями обществ, возглавлявших внутриобщинную иерархию, соотносилось с традиционным восприятием властного могущества в категориях авторитета и формально не затрагивало основ общинного самоуправления. Но с другой стороны, посреднические функции традиционных носителей общественной власти, обеспечивая им вхождение в совершенно иное поле властно-правовых отношений при покровительстве российской администрации, расширяли сферу их исполнительных полномочий в самой общинной среде. В результате нарушалось традиционное равновесие гражданско-правовых статусов членов общины, при котором лица, принадлежавшие к высшему сословию, оставались такими же объектами власти обычного права, что и рядовые общинники. Постепенно складываемая таким образом диспропорция между единоличной властью старшины селения и коллективной властью общины (проводником которой являлось народное собрание) нарушала целостность отношений власти и властвования, ведя в конечном итоге к индивидуализации управления, что в корне противоречило универсальным принципам коллегиальности, на которых строилась вся система традиционного жизнеустройства. В то же время положение посредников ставило представителей общественной власти в зависимость от российской администрации, которой они оказывались подотчетны, что в свою очередь ограничивало народное собрание, его контролирующие функции, и ставило под сомнение его роль стабилизатора общественных отношений в самой общине.

Намерение российской администрации контролировать народы Центрального Кавказа отразилось и в наиболее лояльном по отношению к ним проекте П.Д. Цицианова - первой долгосрочной программы политико-административного подчинения Северного Кавказа¹². Номинально не вмешиваясь в процесс самоуправления "залинейных инородцев" и позволяя им на первых порах по-прежнему руководствоваться собственными законами, регулирующими хозяйственно-экономические и гражданско-правовые отношения в общинной среде, российская администрация оставляла за собой право осуществления "внешнего" контроля за этим процессом. Часть этих контролирующих функций администрация передавала российским приставам, а также представителям местной социальной элиты. Это означало ограничение или даже изъятие этих полномочий из сферы компетенции народного собрания, что уже содержало в себе угрозу цикличному воспроизведению отношений власти и властвования, оказывая деструктивное влияние на сам характер внутриобщинных властных отношений. Исполнительные функции при этом сохранялись за общинными властными институтами пока в полном объеме, однако сфера их распорядительных полномочий заметно ограничивалась 13.

Деятельность российской администрации в Осетии пошла по пути формализации и бюрократизации управления, что в целом отвечало идее укрепления централизованной власти в империи. Это отвечало задаче "слияния" кавказских окраин с центральными областями, соответствовало тем порядкам, которые действовали во внутренних российских губерниях. Нельзя утверждать, что это была простая задача. Аморфность, неопределенность для постороннего взгляда организационных форм традиционного самоуправления, неформальный характер деятельности общественных властных структур, их функциональная амбивалентность создавали у российских администраторов впечатление того, что осетины не только не имели прежде "никакого порядка", но и "не разумеют необходимости власти" 14.

Поэтому для осуществления наиболее эффективного управления российским властям представлялось совершенно необходимым учреждение в горской среде таких административных институтов, которые, отвечая в целом идее распространения в крае "русской гражданственности", соотносились бы с теми низовыми управленческими структурами, которые действовали в самой России. Предложенный А.П. Ермоловым проект волостного управления в Осетии был нацелен на создание здесь административных форм, адекватных общероссийским. Этот проект ярко иллюстрирует, каким российской власти представлялось эффективное управление "залинейными инородцами" в горных местностях Центрального Кавказа на первом этапе государственно-административного освоения региона. Пытаясь внедрить здесь государственные методы управления, отвечавшие генеральной политической задаче включения окраины в политико-правовое поле империи, правительство в то же время исходило из необходимости административного воздействия, отвечающего местным условиям. Поэтому в проектах, посвященных управлению горскими общинами, учитывались на первых порах местные социально-политические реалии.

Выраженность в социальной практике осетинских общин одного из универсальных принципов самоорганизации – а именно принципа старшинства – побудила А.П. Ермолова обратиться к авторитету старейших членов общины, которых предполагалось привлечь к деятельности в рамках волостных управ, созданных на манер общероссийских низовых управленческих структур. С формальной точки зрения, традиционные устои общественной жизни вроде бы и не нарушались, поскольку хозяйственная деятельность общины оставлялась в ее собственном ведении.

Однако искусственно создаваемые административные структуры с четко обозначенными функциями оказывались неорганичными самой природе общинного самоуправления. Эти сельские административные учреждения предполагалось создавать на выборных началах, что противоречило принципам формирования такого института самоуправления, как совет старейшин (волостные управы перенимали его внешние признаки). Деятельность старейшин в волостных управах приобретала уже формализованный характер и распространялась на несвойственные их компетенции сферы жизнедеятельности общины. Волостные управы фактически подменяли собой традиционное общесельское народное собрание ныхас. Однако его полномочия переходили к ним в значительно урезанном виде, так как та сфера, которая относилась к междусельским взаимоотношениям, отходила к непосредственному ведению российских властей, представленных в лице "военного начальника". Военный начальник должен был возглавлять управу и получал соответствующее своему статусу верховное право вмешиваться также и в гражданские дела самой общины в случае, если решения старшин окажутся идущими вразрез с общим устройством. Военный начальник был полномочен вести разбирательство и по делам уголовным, посягая, таким образом, и на прерогативы посреднического суда. В результате формализация управления (на что, собственно, и был нацелен проект) привела бы к отделению властных функций от коллектива, что уже очевидно противоречило универсальному принципу коллегиальности в организации традиционного управления.

Но если поначалу согласно проекту А.П. Ермолова в процессе создания структуры местного самоуправления еще предпринимались со стороны российской администрации попытки хотя бы частично учитывать местные принципы самоорганизации, соответственно адаптируя их к собственным целям и задачам, то впоследствии административное вторжение в горскую среду происходило уже практически без оглядки на практиковавшиеся в горской среде нормы и традиции самоуправления.

орфиость, исоправанняеть, дл * постч одно * пак heb ворганизационили у жубими

Распространение российской "гражданственности" на территории Осетии с самого начала шло неодинаковыми темпами. В горных районах Осетии быстрому внедрению российских административных порядков мешали условия высокогорья и зна-

чительная удаленность от военно-административных центров. А те осетины, которые к началу XIX в. переселялись на равнину и закреплялись в пределах российских административных пунктов, составляли группу, которая на тот момент "вполне ассимилировалась с русскою жизнью и представляла в общественном отношении то же, что и русское казачье население" Установка на дальнейшее постепенное слияние методов управления горскими переселенцами с теми, что применялись к казачьему населению, определяла позицию российского правительства на Центральном Кавказе в целом 17.

Новопоселенцы из Дигорского и Алагирского ущелий, осевшие на равнине вблизи русских укреплений вне пределов пограничной линии, довольно скоро оказались вовлечены в орбиту непосредственного российского административного влияния. Изменившиеся в связи с переселением на равнину условия жизнеобеспечения, новая практика хозяйствования и землепользования 18 вели к тому, что возникавшие в переселенческой среде проблемы подчас оказывались неразрешимы в рамках обычноправовой судебной процедуры и требовали участия "начальников русских", к которым сами жители обращались с просьбой о разбирательстве их "дел и жалоб" 19. Апелляция к авторитету российской власти в этих случаях основывалась на ее восприятии в соответствии с традиционными понятиями о старшинстве

Исходя из собственных политических задач на Кавказе, царское правительство уже первые свои шаги в административном освоении края связало со сферой судопроизводства. Открытый в 1793 г. Верхний пограничный суд в Моздоке²¹ при всей своей специфике стал первым официальным государственным учреждением, в котором законы Российской империи применялись по отношению к населению преимущественно предгорных территорий Северного Кавказа, хотя бывали случаи разбирательства в этом суде дел, касавшихся также и жителей горных районов Осетии²².

Деятельность этого судебного учреждения наглядно продемонстрировала принципиальную несовместимость понятийной основы российского судопроизводства с пониманием вины и ответственности в традиционном обществе. Так, изъятие из подсудности посреднического суда дел кровомщения и причисление их к разряду уголовных (каковыми они представлялись в соответствии с российским законодательством), отнимало у него одну из важнейших его функций – защитника гражданских прав общинников²³.

Неразделенность гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственности, характерная для обычно-правовых механизмов регулирования интересов членов общины, ставила горцев в тяжелое положение перед лицом российской власти. Одновременно введенный принцип индивидуализации вины, предусматривавший также и индивидуализацию ответственности, коренным образом противоречил принципу коллективной ответственности, на котором строилась деятельность института посреднического суда²⁴.

Разделение сферы судебной деятельности на гражданскую и уголовную и соответственное использование в общественной практике обычно-правовой и государственной моделей судопроизводства практиковалось и в горных областях, где судейские функции в случае уголовного разбирательства возлагались на начальников военных гарнизонов. В результате в поле внимания царского правительства попадали практически все события, связанные с внутренней жизнью горских обществ. Однако эффективности подобного контроля мешала все же недостаточная осведомленность российских администраторов об особенностях общественного строя местных народов и их обычном праве. В связи с этим А.П. Ермолов, учредивший "Временный суд" в Кабарде, считал необходимым собрать подробные сведения об обычном праве кабардинцев²⁵.

Стремление российского правительства к унификации низовых управленческих структур, ведущей к стандартизации управления в районах Центрального Кавказа, отразилось в первую очередь на организации судебно-процессуальной деятельности и выразилось в постепенном ограничении полномочий посреднических судов даже в

отношении дел гражданского характера, решение которых до тех пор оставалось исключительной прерогативой патриархально-общинных властных институтов. Учрежденный в 1828 г. Владикавказский инородный суд, как предполагалось, должен был выстраивать свою деятельность на основе правил, унифицированных для всех судебных учреждений Северного Кавказа. В сферу его компетенции попадали гражданские дела, при разборе которых могли применяться местные обычно-правовые нормы, приспосабливаемые к российским законоположениям²⁶.

Деятельность Владикавказского инородного суда должна была осуществляться постоянным судейским составом, сформированным из представителей высших осетинских сословий, избранных сроком на один год. Так были сделаны первые шаги к должностному оформлению судейских полномочий. Перевод всех этапов судопроизводства на легально-правовую основу неизбежно вел к формализации самого судебного процесса. В 1831 г. Владикавказский инородный суд был преобразован в окружной (после карательной экспедиции в Осетию генерала Абхазова). В его ведение были переданы также уголовные дела, что окончательно изменило характер судебного разбирательства²⁷.

Однако опыт с поспешным переводом судебно-процессуальной деятельности, осуществляемой в горской среде, на общероссийскую законодательную базу оказался крайне неудачным, показав, насколько неадаптированной к местным условиям была система общегосударственных законоположений. Кроме того, принципы, на которых выстраивалась деятельность новой судебно-административной инстанции, не могли обеспечить ей популярность среди населения, несмотря даже на присутствие "народных депутатов" (лишь с правом совещательного голоса), которыми значились вошедшие в судейский состав представители осетинской социальной элиты. В результате Владикавказский окружной суд образца 1831 г. превратился в сугубо государственное судебно-административное учреждение и стал централизованной судебной инстанцией для осетин и ингушей, в которой все этапы судопроизводства были рационализированы и приведены в соответствие с российскими судебно-процессуальными порядками. Именно это обстоятельство и предопределило "неуспех" предпринятого царским правительством мероприятия по утверждению у горцев "прочного... гражданского образования"28. В результате высшая кавказская администрация уже через пять лет после введения Владикавказского окружного суда была вынуждена отказаться не только от этого учреждения, но и от самой идеи перевода местного судопроизводства на общероссийскую законодательную базу и учреждения специализированного судебно-административного института для горцев. Российское законодательство применительно к осетинам было отменено, а судебные дела вновь стали решаться в самих обществах в соответствии с обычно-правовыми нормами под надзором помощников приставов.

Опора на традиционные юридические нормы практиковалась и после учреждения в 1847 г. народных судов, которые появились в каждом из приставств Владикавказского военного округа²⁹, но верховная прерогатива вынесения окончательного судебного решения уже официально отошла к ведению российской администрации в лице приставов и их помощников на местах. Дела, казавшиеся местным администраторам наиболее сложными, передавались коменданту Владикавказа³⁰.

Такое положение сохранялось вплоть до конца 1850-х годов, когда была упразднена система приставств и введено окружное управление, под которое в границах Военно-Осетинского округа подпадала и Осетия. Стандартизация системы управления делала необходимыми и соответствующие изменения в судебно-процессуальной сфере, которые положили начало дальнейшей последовательно направленной деятельности на всемерную формализацию и бюрократизацию местного судопроизводства³¹. Просуществовав у осетин в таком виде до начала 1870-х годов, оно представляло "собою как бы последнюю, переходную ступень от прежнего судопроизводства, основанного на местно-национальных началах, к общерусскому...", однако попрежнему не соответствуя "духу русского закона"³².

Между тем, требование адекватного административного воздействия на местное население все еще сохраняло свою остроту, так как внутриполитические условия в регионе, связанные с развертывавшимся движением под руководством Шамиля, расшатывали административные позиции России на всем Северном Кавказе. Решить эту проблему становилось возможным только при более основательном ознакомлении с обычно-правовой основой жизнедеятельности горских обществ. "Предначертанный [...] план общего усмирения кавказских племен основан на той главной мысли, что оно возможно только посредством постепенного овладения всеми, или большею частью способов, какие теперь имеют горцы к своему существованию, дабы стеснив их чрез то в общественном и частном их быте до возможной степени, вынудить их к безусловной покорности воле правительства", – такова была позиция государя³³.

Провозглашенная императором стратегия выдвинула на повестку дня очередной социальный заказ – как можно полнее и ближе познакомиться с обычно-правовой нормативной системой организации жизнедеятельности всех народностей, населявших Северный Кавказ. Вот почему командование Кавказской военной линии в начале 1840-х годов приступило к сбору и записи адатов кавказских горцев по единой и довольно широкой программе³⁴. Результатом этой работы явились первые сборники адатов, давшие богатейший материал по социальным отношениям у некоторых народов Северного Кавказа, хотя и не вобравшие в себя всю информацию об обычном праве каждого народа³⁵. В период подготовки крестьянской и земельной реформ на Северном Кавказе в первой половине 1860-х годов недостаточность сведений о правах и обязанностях различных социальных категорий вновь заставила вернуться к сбору и записи обычно-правовых норм северокавказских народов. Другим мотивом, по которому представлялось необходимым снова обратиться к этой работе, становились судебно-административные преобразования, к проведению которых в горных областях Северного Кавказа правительство приступило после окончания Кавказской войны. Сборники адатов 1860-х годов предназначались для горских судов уже в качестве официального руководства при разбирательстве дел по адату.

Составляя в 1840—1860-х годах сборники адатов, российские власти намеревались постепенно приспособить нормы обычного права кавказских горцев к законам Российской империи. Взаимная адаптация различных по социальной природе нормативных систем грозила затянуться, а вполне объективный временной фактор, вмешивавшийся в правительственные планы по "окончательному покорению" Кавказа, становился очевидной помехой в стремлении к скорейшему "обрусению" края. Поэтому уже в конце 1850-х годов правительство предпринимало конкретные шаги, направленные на унификацию и формализацию судопроизводства у народов, населявших Левое крыло Кавказской линии³⁶.

жинистрация коронира образок выдожения содоржание общинания и потавия

Одновременно с процессом формализации судебной деятельности и внутренние устои организации общинной жизни осетин были подвергнуты искусственной трансформации³⁷. В осетинских аулах учреждалась низовая администрация "по типу сельских мест метрополии"³⁸. Наряду с учреждением в сельских обществах новых административных структур и должностей, российские власти ввели здесь практику назначения старшин, окончательно утвердившуюся в пореформенный период. В отличие от окружающего казачества, которое свободно выбирало из своей среды станичного атамана или сельского старосту³⁹, аульные старшины назначались начальником округа на определенный срок и подчинялись участковому управлению. В компетенцию назначенного аульного старшины, обладавшего значительной властью, входил созыв аульного схода и определение круга рассматриваемых вопросов, наблюдение за порядком в обществе, за исполнением условий договоров, а заодно и

дисциплинарных взысканий. Решение, вынесенное без участия или одобрения аульного старшины, считалось недействительным.

Цели русской администрации иметь "надежных людей" в горской среде⁴⁰ соответствовала налоговая политика: "все должностные лица сельских управлений, как-то: сельские старшины, их помощники, доверенные, судьи и сборщики податей (казначей), рассыльные, лесные и полевые сторожа, смотрители канав, освобождены с семействами своими, числящимися в одном с ними дворе, от всяких натуральных повинностей" за исключением подымной подати. Все эти обстоятельства ставили представителей сельской администрации в исключительное положение по отношению к остальным членам общины, искусственно повышая их социальный статус и общественный вес. Формировалось негативное отношение вокруг новой властной структуры⁴².

Введенный российскими властями принцип назначения на высшую аульную должность входил в очевидное противоречие и с "демократическим" принципом выборности во властно-управленческой сфере общинной жизни. Естественно, что именно требование вернуть право выбора аульного старшины из своей среды часто становилось центральным в протестных выступлениях народа⁴³. Кроме того, в качестве аульных старшин зачастую назначали либо людей, не соответствовавших требованиям, которые издавна предъявлялись к лицам, занимавшим эту общественную должность, – молодых и не пользовавшихся общественным почтением, либо "посторонних лиц – русских, которые, не зная наших ни обычаев, ни народного быта – осетин, не входят сочувственно в наше положение, а также не знают расположения нашей юртово-общественной земли, через что нередко возникают недоразумения".

Перевод аульного старшины, как и остальных представителей сельской администрации, на денежное довольствие, которое предоставлялось общиной, завершил трансформацию должности, бывшей еще недавно общественной, – в государственную. Таким образом обозначились нижние ступени государственно-административного аппарата в системе местной власти. Все аспекты деятельности новой сельской администрации регламентировались особыми государственными актами 45, в которых оговаривались не только должностные обязанности новоиспеченных сельских чиновников, но и затрагивались исконные прерогативы самой сельской общины.

Осетинская сельская община и в пореформенный период оставалась основной общественной структурой, регулирующей как хозяйственно-экономическую, так и политико-идеологическую сферы жизнедеятельности села: в круг распорядительных полномочий общины по-прежнему входили вопросы внутреннего распорядка хозяйственной жизни и взаимоотношений членов различных общин; за общиной сохранялись и функции контроля над "моральным климатом" в коллективе. Однако с введением официальных должностей, представлявших местную власть, большинство функций общины перешло к новым сельским администраторам – старшине, его помощникам, писарю, казначею, общественным доверенным, сельским судьям. Новая администрация коренным образом видоизменила содержание общиных властных институтов (переняв некоторые внешние формы), значительно урезала их функции или даже передала их новым управленческим инстанциям. Обесценивался и сам принцип "бессословности" сельской общины, поскольку сельская администрация, в числе которой были и выходцы из самой общинной среды, ставилась российской властью в привилегированное положение, подкрепленное экономически.

Трансформация некогда общественных должностей в государственные имела разрушительные последствия для всей системы общественной власти, приведя, во-первых, к отчуждению ряда функций коллегиальных органов управления — народных собраний разных уровней, и, во-вторых — к формализации властно-управленческих отношений в общинной среде в целом.

Новые порядки, внедренные в осетинскую сельскую общину, заметно сокращали полномочия общесельского ныхаса как регулятора имущественно-правовых отношений и в тех случаях, когда речь шла о подселении на общинные земли новопосе-

ленцев: мнение народного собрания о возможности наделения переселенцев землей из и без того скудного общинного фонда не учитывалось ⁴⁶, хотя на этот счет и существовало особое распоряжение, законодательно утвержденное в отдельных статьях "Положения о сельских (аульных) обществах в горском населении в Терской области", разработанного начальником Терской области М.Т. Лорис-Меликовым и утвержденного кавказским наместником в 1870 г. ⁴⁷

Пореформенная община стала для правительства той экономической структурой, которая использовалась главным образом для взимания податей и обеспечения натуральных повинностей, что выдвинуло на первый план фискальные функции, отсутствовавшие ранее в ее хозяйственной деятельности. Именно экономические интересы царского правительства связали свободных общинников отношениями круговой поруки, при которой за неуплату подати отдельными дворами отвечало все селение. Несло оно ответственность и за любое преступление, совершенное в пределах сельской общины; даже за все дорожные происшествия ответственность нес аул, к которому вела дорога⁴⁸.

Все это превращало сельскую общину из самоуправляющейся общественной единицы в один из низовых органов местного управления, потому-то российская администрация и поддерживала патриархальные устои, связывавшие членов общины между собой. Если в дореформенный период лично свободные, имущественно независимые от владельцев общинники имели право свободного перемещения, то принцип круговой поруки препятствовал свободному выходу из общины — для этого требовалось согласие родителей, справка об уплате всех видов повинностей и разрешение сельского схода⁴⁹.

Используя внешнюю атрибутику общинной самоорганизации и приспосабливая ее к общей административной системе, правительство, тем не менее, неуклонно двигалось по пути всемерной унификации и стандартизации управления. Особо активное "навязывание" российской управленческой практики происходило на нижних ступенях государственно-административного аппарата, где внедряемые в сельскую общину искусственно создаваемые институты становились низовыми звеньями административной иерархии. Традиционные прерогативы коллегиального органа самоуправления - сельского ныхаса - были переданы аппарату сельской низовой администрации, возглавляемому аульным старшиной. Универсальные социоорганизующие принципы при этом практически полностью игнорировались, а отношения властвования, предельно формализуясь, претерпевали коренные изменения. Однако в ряде случаев правительство все же считало возможным поддержать авторитетное решение сельского схода (трансформированного народного собрания), когда, например, потребовалось "искоренить разорительные обычаи" из осетинского быта "для улучшения жизни поселян", объявив их "не соответствующими духу настоящего времени" и "обременительными и разоряющими домашнее благосостояние"50. Понятно, что "апелляция" к авторитетному мнению "народных депутатов" в подобных случаях диктовалась исключительно экономическими соображениями администрации, заинтересованной в упорядочении фискальных сборов в общинной среде.

Тем не менее, даже оказавшись на положении маргинальных, традиционные принципы самоорганизации продолжали существенным образом влиять на внутреннюю жизнь осетинского села, а обычно-правовые нормы по-прежнему сохраняли свое значение в качестве организующего начала социальной жизни⁵¹. Понимая это, правительство шло на их выборочное сохранение. Так, например, признавая "целесообразными" ежегодные собрания народных представителей для обсуждения нужд населения, правительство к концу XIX в. взяло их под свой контроль. Эти народные собрания организовывались таким образом, что принцип "демократического представительства" формально сохранялся, но действие его было строго регламентировано: уже не каждое домохозяйство имело право выбора своего представителя, а группа из десяти домохозяйств. Сформированный таким образом "сельский сход", действовавший под председательством старшины, был полномочен избирать пред-

ставителей сельской администрации: самого старшину, казначея, писаря, сельских судей⁵².

Целый ряд пережиточных норм сохранился в судебно-процессуальной деятельности не только аульных словесных судов, но и в окружном словесном суде даже после проведения в начале 1870-х годов судебной реформы, главная цель которой заключалась в стандартизации судопроизводства и унификации деятельности судебных учреждений. Положением о "Горском словесном суде" 1870 г. узаконивался принцип выборности рядовых членов суда⁵³. Несоответствие российского уголовного законодательства традиционной системе наказаний в случаях убийства, мотивированного кровной местью, привело к изъятию из ведения окружного суда дел кровомщения и передаче их на рассмотрение в горские народные суды⁵⁴. Обращение к положениям обычного права при разбирательстве мелких дел гражданского характера и применение в самом судопроизводстве традиционных элементов (принесение присяги, непризнание свидетельских показаний женщин и пр.) практиковалось одновременно с переводом уголовного и гражданского судопроизводства в Осетии на общероссийскую законодательную базу.

В основу деятельности горских словесных судов была положена идея, "сама по себе гуманная", поскольку "адаты настолько вкоренились в туземном населении..., что трудно было одним росчерком пера подчинить их общесудебным учреждениям" У все же предельная рационализация местного судопроизводства, к которой стремилась российская администрация, согласуясь в целом с идеей укрепления центральной государственной власти, коренным образом противоречила обычно-правовой основе судебного процесса. Тенденция на приведение всех элементов системы судопроизводства в соответствие с общими государственными законоположениями была явно обозначена еще до проведения реформы – уже в деятельности народных судов в беспрецедентных случаях применялись российские законы. Это ограничивало сферу влияния на судебную процедуру обычного права, в соответствии с которым любые прецеденты, случавшиеся в общественной жизни, включались в общий правовой цикл и рассматривались как частные случаи традиционной нормы 56.

моуправления - сельского ныхвел * был * перез* ны эпизрату седвекой визовой ва

Формирование в Осетии системы государственного управления было связано не с процессом саморазвития осетинских обществ, а с сознательной и целенаправленной деятельностью российского правительства, обращенной прежде всего "к пользам империи". В механически сконструированных и навязанных "сверху" административных схемах функциональное пространство традиционных принципов самоорганизации было значительно сужено, да и сами принципы постепенно вытеснялись из повседневной управленческой практики и получали статус полуофициальных. Искусственный перевод общественной власти на легально-правовую основу, бюрократизация и формализация властно-управленческих отношений, практиковавшихся в общинной среде, расходились с принципами и нормами жизнеустройства традиционного общества, где "все, плохо или хорошо, а течет своим порядком" 57. Организационно-управленческая деятельность, будучи прежде прерогативой всего коллектива, оказалась выделена в особую сферу деятельности, которой стали заниматься "на профессиональной основе", получая за это определенную плату, обеспечиваемую управляемой общиной. Должностное оформление управленческих функций в общинной среде, являясь следствием политики "огосударствления", в свою очередь вело к индивидуализации и монополизации власти, сопровождавшимся отчуждением от коллектива всего круга исполнительно-распорядительных полномочий.

В процессе внедрения новых властно-управленческих принципов нарушался традиционный баланс гражданско-правовых статусов, на поддержание которого была ориентирована деятельность всех патриархально-общинных властных институтов. Обезличенность, рационализм, формализм, на которых базировалось государствен-

ное управление, вступали в открытое противоречие с патриархальными традициями местного самоуправления, оказываясь неорганичными политической и социокультурной специфике горского общества. Включение Осетии в политико-административное пространство империи ставило осетинское общество перед необходимостью скорого и радикального преобразования "образа мыслей и чувствования" к чему оно было принципиально не готово. Поспешность и нередкое использование военно-бюрократических методов становились факторами, в значительной степени предопределившими конфликтное восприятие горцами как самой российской власти, так и ее институтов, активно внедряемых в их среду.

Примечания

- ^{1} *Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год, В 3-х частях. СПб., 1869. Ч. П. С. 207.
  - ² Там же. Ч. І. С. 162.
  - ³ Там же. Ч. II. С. 261.
  - ⁴ Там же. С. 260.
- ⁵ Акты, собранные Кавказской археографической комиссией (далее АКАК). Тифлис, 1866–1904. Т. І. С. 581; *Бутков П.Г.* Указ. соч. Ч. ІІ. С. 562.
- ⁶ Ларина В.И. Основание Моздока и его роль в развитии русско-осетинских отношений // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XIX. Орджоникидзе, 1957. С. 202.
- ⁷ Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа, Т. III, Тифлис, 1883, С. 241.
  - ⁸ AKAK, T. I. C. 411.
  - ⁹ Tam же. С. 731. А может при 10 может подраждения по 10 может п
  - ¹⁰ Лавров П. Указ. соч. С. 279.
- ¹¹ АКАК. Т. III. С. 219; Материалы по истории осетинского народа: Сборник документов по истории завоевания осетин русским царизмом / Сост. В.С. Гальцев. Т. II. Орджоникидзе, 1942. С. 15, 17.
- ¹² *Блиева З.М.* Система управления на Северном Кавказе в конце XVIII первой трети XIX века. Владикавказ, 1992. С. 34–35.
  - ¹³ См., например: АКАК. Т. І. С. 728–730.
  - ¹⁴ Материалы по истории осетинского народа. Т. И. С. 271.
  - ¹⁵ Там же
  - ¹⁶ Лавров Д. Указ. соч. С. 289.
  - ¹⁷ Русско-осетинские отношения в XVIII в. Т. І. С. 451.
  - 18 Берозов Б.П. Переселение осетин с гор на плоскость. Орджоникидзе, 1980. С. 107.
  - 19 AKAK. T. V. C. 523-525.
- ²⁰ Косвенные указания на этот счет можно обнаружить в описаниях традиционного осетинского быта см., например: *Борисович К*. Черты нравов православных осетин и ингушей Северного Кавказа // Этнографическое обозрение. М., 1899. № 1–2. С. 243; *Пахомов Д.А*. Кавказские горцы // Покоренный Кавказ. СПб., 1904. С. 101.
  - ²¹ Бутков П.Г. Указ. соч. Ч. П. С. 265.
- ^{22} Блиев М.М. Русско-осетинские отношения (40-е гг. XVIII 30-е гг. XIX в.). Орджоникидзе, 1970. С. 269.
- ²³ Ладыженский А.М. Очерки социальной эмбриологии (внутриродовое и междуродовое право кавказских горцев) // Научная мысль Кавказа. 1997. № 2. С. 83.
  - ²⁴ Там же. С. 85.
- ²⁵ Гарданов В.К. Обычное право как источник для изучения социальных отношений у народов Северного Кавказа в XVIII начале XIX вв. // Сов. этнография. 1960. № 5. С. 18.
  - ²⁶ Блиева З.М. Указ. соч. С. 84.
  - ²⁷ AKAK. T. VII. C. 373–374.
  - ²⁸ Там же. Т. VIII. С. 831.
  - ²⁹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 313.
  - ³⁰ Лавров Д. Указ. соч. С. 292.
  - ³¹ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 313.
- ^{32} Лавров Д. Заметки об Осетии и осетинах // Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах. Цхинвали, 1989. Кн.4. С. 81.
  - ³³ AKAK. T. IX. C. 244.

- ^{34} Гарданов В.К. Указ. соч. С. 18; Леонтович Ф.И. Адаты кавказских горцев. Одесса, 1882–1883. Вып. 1. С. 93–94.
  - ³⁵ Гарданов В.К. Указ. соч. С. 19.
  - ³⁶ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 237–238.
  - ³⁷ Пфаф В.Б. Народное право осетин // Сборник сведений о Кавказе. Тифлис, 1871. Т. І. С. 203.
  - ³⁸ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 32.
- ³⁹ Гальцев В.С. Перестройка системы колониального режима на Северном Кавказе в 1860–1870 гг. // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Т. XVIII. (Отд. оттиск). Орджоникидзе, 1956. С. 16–17.
  - ⁴⁰ Материалы по истории осетинского народа. Т. II. С. 313.
- ⁴¹ Материалы по истории Осетии. Сборник документов, относящихся к периоду от 1868 до 1904 г. / Сост. Д.А. Дзагуров. Т. III. Дзауджикау, 1950. С. 156.
  - ⁴² Там же. С. 31, 152, 156, 168–172, 308.
  - ⁴³ См.: например: там же. С. 167, 172.
  - ⁴⁴ Там же. С. 172.
  - ⁴⁵ Там же. С. 156–157.
  - ⁴⁶ Там же. С. 29, 35–36, 37.
- ⁴⁷ Отдел рукописных фондов Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований (далее ОРФ СОИГСИ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 66. Л. 18–19; *Кануков А.А.* Положение о сельских (аульных) обществах и их общественном управлении и о их повинностях государственных и общественных в горском населении Терской области. Владикавказ, 1911.
  - ⁴⁸ Материалы по истории Осетии. Т. III. С. 156, 157.
  - ⁴⁹ История народов Северного Кавказа (конец XVIII-1917 г.). Т. 2. М., 1988. С. 326.
- ⁵⁰ Дигорон. Из селения Христиановского // Терские ведомости. 1881. № 11; *М.Г.* [*Гарданов М.К.*] Приговор осетин // Там же. 1879. № 50; *Гатуев А*. Об искоренении суеверных и разорительных обычаев в Осетии // Там же. 1881. № 36; *Хетагуров К.* Общественный приговор // *Хетагуров К.Л.* Полн. собр. соч. Т. IV. М., 1964; ОРФ СОИГСИ. Ф. 4. Этнография. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.
  - 51 Сосиев З. Станица Черноярская // Периодическая печать Кавказа... Кн. 4. С. 164.
  - ⁵² Хетагуров К. Народное совещание // Хетагуров К.Л. Полн. собр. соч. Т. IV. С. 286–287.
  - ⁵³ Он же. Горский словесный суд // Там же. С. 220–221.
  - 54 Он же. Общественный приговор // Там же. С. 14.
  - 55 Он же. Горский словесный суд // Там же. С. 220.
  - ⁵⁶ Леонтович Ф.И. Указ. соч. Вып. 1. С. 7–8.
- ⁵⁷ Ванеев З.Н. Индивидуализм и коллективизм в родовом быту осетин // Известия Осетинского научно-исследовательского института краеведения. Вып. II. (Отд. оттиск). Владикавказ, 1926. С. 41.
  - 58 Ардасенов А.Г. (В.-Н.-Л.) Переходное состояние горцев Северного Кавказа. Тифлис, 1896. С. 4.

E.I. Kabakhidze. Ossetia within Administrative System of the Russian Empire (End of the XVIIIth - XIXth cc.)

The establishment of the Russian multiethnic state was accompanied by the creation of the state administration at the borders of the empire. Irrespective of power centralization and management unification, the process had its regional specifics. The inclusion of Ossetia into the economic and political space of the Russian empire occurred within the framework of the administrative integration of the Central Caucasus and Russia. Local peculiarities of socio-political and administrative development influenced that process of integration. Institutional innovations, exported to Ossetia from the Russian state, had come into conflict with traditional norms of the Ossetian mountainous communities, destroying the traditional principles of self-organization by enforcing the rational legal administrative institutions.